

УДК 411-37

**О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС»
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ**

© 2009 г.

В.Д. Петрова

Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

petrovavd@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.10.2009

Исследуется оценочное наполнение славянского термина «плетение словес», представленного в литургических текстах, и его судьба в дальнейшей истории русского языка.

Ключевые слова: плетение словес, гимнография, источник, положительная семантика, отрицательная семантика, контекст.

«Выражение средневековых книжников» [1] «плетение словес» дало название стилю южно- и восточнославянской агиографии XIII–XV вв.

Дефиниции славянского стиля «плетение словес», содержащие такие характеристики, как «пышный», «многословный», «витиеватый», «нагромождение синонимов» и т.д., дают некоторое основание подозревать, что в определении средневекового стиля отразилось современное понимание сочетания «плетение словес», которое обладает только пейоративным значением, в связи с чем возникает необходимость уточнить семантику данного сочетания в средневековой славянской книжности, рассмотреть эволюцию его понимания в славянской книжности. В большинстве интерпретаций термина «плетение словес» [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13] специального обсуждения этого вопроса (за некоторым исключением [6, 12]) нет, однако его решение может способствовать уточнению как самого содержания понятия «плетение словес», так и источников, к которым восходит славянский термин.

Р. Пиккио, возводя греческий оборот, калькой которого является славянское «плетение словес», к Еврипиду и Платону («πλοκή, которое является полным эквивалентом «плетения», имеет хорошо документированное отрицательное значение: Еврипид («Ion», 826) употребляет выражение πλοκάς πλέκειν в значении «плететь сеть обмана» [6, с. 548]), при определении «плетения словес» Епифания Премудрого исходит из признания отрицательного значения данного сочетания. Р. Станков (со ссылкой на англо-греческий словарь Лидла-Скотта, в котором сочетание πλέκω λογούς отмечается у Еврипида и Платона) полагает, что данное сочетание у Платона в «Гиппии Меньшем» несет отрица-

тельную семантику, которая сохраняется у него и в византийских христианских текстах [12, с. 23–24]¹. Для средневековых славянских книжников значение имеет традиция употребления этого сочетания в византийской христианской литературе, поэтому, как нам представляется, нет необходимости углубляться в историю его использования непосредственно в самой античной литературе, а следует сосредоточиться на тех текстах, которые были в обращении у православных славян. Подавляющее большинство примеров употребления «плетсти/плетение (словес)» в переводной византийской литературе, используемой православными славянами, приходится на литургические тексты, жития, похвальные слова, в произведениях светского характера оно встречается sporadически.

«Плетсти/плетение словес» в средневековой славянской книжности употребляется как в переводной, так и в оригинальной литературе; как показывает анализ использования данного термина в славянских текстах, значение его различно и зависит от контекста.

В средневековых славянских текстах (переводных и оригинальных) встречаются случаи использования сочетаний «плетсти/плетение словес» с негативной семантикой: «нѣ бо требѣ. риторьскими съплетении и философьскими мрѡвании показание прѣдлагати. нѣ малымъ словомъ и краткою бесѣдою вашей любви изъивимъ» [14, с. 471]; «ни съвязаниемъ вѣтискъмъ. ни платоньскими словесы. съложихомъ словеса си» (см. [15, с. 108]); «и достоинь съврѣстникъ бысть апостоломъ и мученикомъ, и тѣхъ небесныхъ зарѣ на себѣ носе, и слоуже господеву днь и ношь не извитиємъ словесъ нѣ въ

прѣпрости срьдѣца» [16, с. 307]; «сия бо елика писана прѣди и по сихъ не съплетениемъ вѣтискими словесы съставихомъ сия, нь вышньи прѣмудрости помолъше се, от неже всако даяние благо и всакъ даръ съвршень, и о семь бога призывае въ помощь молитвами вашими ѿтвердити се ѿмоу моему непоколѣбимо» [17, с. 163]; «не бывшю ми въ алинѣхъ оѿ ѿнѣсти. и не научихся оу мѣлосоловъ их. ни плетения риторьска. ни вѣтискы глѣть. ни платоновыхъ. ни аристотелевыхъ бесѣдъ не стажахъ. ни мѣлосолѣа ни хитрорѣчѣа не навыхохъ. испроста отинѣдъ весь недомѣкнѣа наполнихся» [18, л. 651об]. Нетрудно заметить, что негативное значение «плетению» придают определения: вѣтиский, риторьский; в этом проявляется «...широко распространенная христианская точка зрения, противопоставляющая новое учение лжемудрствованию языческих риториков и философов» [19, с. 476]. «Хитросплетения» философов и риториков отвергаются, традиционная формула, в которой излагается позиция христианского книжника, включает осуждение витийства; много подобных примеров в литургических текстах: «Вѣтиския печали и словесъ всю лютость скорымъ словомъ вѣрно побѣжъ, пояше. блѣнь» [20, 88а, с. 375]; «Вѣтискою бесѣдоу отринѣвъ, оучения аѣлска приимъ истинная, славнее, мѣнкъ истинны бысть» [20, 100а, с. 390]; «Вѣтиисти язѣци твоего изглѣти не могутъ паче словесе зачатия. бѣ бо родила еси плѣтию, прѣстая. намъ ѿподобивъша ся блѣсти ради» [20, 86а, с. 156]; «Вѣтиска прикословия ѿклонь ся, и словомъ, оѣе, блѣдѣтныимъ озарень, апѣскоую въ истиноу область на бѣсы разбогатѣль еси» [20, 104б, с. 396].

Отрицательное отношение к языческой риторике и философии основано на ее восприятии как неистинной; это внешняя мудрость, которой противопоставлена настоящая, истинная мудрость, исходящая от Бога: «Бжѣтвнннѣю мѣдростію все обѣилъ еси еллинскію мѣдростъ, андрѣи премѣдре» [20, 173б, с. 503]; «Зарю просвѣщая ся, мѣдре, трѣслѣннаго сияния, мракъ разгнѣлъ еси елинскаго злочѣстия, и свѣтъмъ словесъ твоихъ вся просвѣтивъ, нынѣ преиде на незаходимы свѣтъ» [20, 122б,

с. 214]; «Премѣдрннѣо о елинѣстѣи премѣдрости нероди, славнѣе, аѣломъ же бжѣтвнннѣе вѣщаніе, дѣхъмъ ѿдабръемъ, ѣче, огнѣнннѣимъ языкѣмъ възглашая, възпыль еси. блѣте» [20, 8б, с. 15]. Для христианского книжника формула «Никогда же философских и вѣтискихъ наоучися словесех» [21, с. 497] становится обязательной для декларирования. Такая «лжемудрость» посрамляется в знаменитом 9 икосе Акафиста Божией Матери, «рисующем бессилие античной мирской мудрости перед христианской тайной, явленной в образе девственной матери» [22, с. 41]: «Вѣтѣа мннѣовѣщаннѣа, якѣ рыбы безгласнѣа видимъ от тебѣ, Бжѣ: недѣмѣвають бо глаголати, еже какѣ и двѣ пребываеши, и родити возмогла еси: мы же, таинѣствѣ дивѣщесѣ, вѣрно вопіемъ: радуисѣ, премудрости Бжѣа приѣтелище: радуисѣ, промышленѣа его сокровище: радуисѣ, любомудрыѣа немудрыѣа являющѣа: радуисѣ, хитрословеснѣа безсловеснѣа обличающѣа: радуисѣ, яко обуѣша лютеи възискателе: радуисѣ, яко увѣдоша баснотворцы: радуисѣ, аѣнеискаѣа плетѣнѣа растерзающѣа» [23, с. 263–264].

Для христианского книжника истинное слово – только боговдохновенное слово, слово, осененное Св. Духом. Словесное творчество для него возможно лишь при условии получения благодати Божией, поэтому словесное умение язычников – суетная «хытрость», от которой отказывается средневековый книжник: «Призри Господи на смирение мое и прими вечера сего моление еже недостоинѣ всылаю Ти яко голѣубъ неразѣмимъ поѣчаюся ими яко вран неподобно зовыи не хитростию словесе възвышая гласъ, но горестію дѣша из глѣбины срдѣца въздыша Тебѣ прекланяю сердце Тебѣ на колениѣу припадаю и рѣцѣу простираю» [24, с. 46]; «и хѣдоую сию приими мѣтвѣу. не хытростию слагаемоу. но от горести ѿбогыя ми дѣша. о грѣсѣхъ приносимѣу жрътвѣу словеснѣю. исповѣдание ѿстѣнѣу дѣшевное кадило. срдѣца моего въздыханіе. а не философ хитрорѣчѣа ни пѣснивецъ доброгласия» [25, с. 461]. В «Слове в великую среду о зависти» Иоанна Златоуста «вѣтии» и «хытрець» расположены в одном ряду: и елико аште възвѣштаемъ възлюбленіи о зависти. не

ю начахомъ глаголати о зависти. и языци вѣтии. и словеса хытрець. и бесѣды ѿчитель. извѣшта-ти не могу зылобы ея» [26, с. 400, 1–2].

Однако слова «вѣтии», «вѣтиский» в средневековых славянских текстах выступают не только с негативной семантикой², значение слов определяются контекстом, поскольку они могут использоваться по отношению к христианам, и примеров такого употребления немало.

М. Спасова указывает, что в средневековой болгарской литературе «только в трех примерах существительное «вѣтии» относится к христианским проповедникам, но положительную семантику несут определения к ним» (в 43 слове Григория Богослова Василий Великий назван вѣтии въ вѣтияхъ и прѣжде прѣстоль мудрыхъ; второй пример из «Златоструя»: «вѣтии (рѣтор) блѣчестия»; третий случай – в проповеди о святых отцах Григорий Цамблак называет Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста «еуальскыя вѣтии» [27, с. 82]). По мнению М. Спасовой, в христианском средневековье лексема имеет негативную семантику – 'оратор, вития', как светское, суетное умение говорить, как искусность речи [27, с. 83]. Однако анализ литургических текстов показывает, что использование данного слова с положительной семантикой в средневековой славянской книжности – вполне обычное явление, «вѣтиями» часто называются апостолы, святые: «Истиннаго бѣчестия проповѣдатѣля и таинаго неиздреченныхъ вѣтия, звѣзды црѣвницю, люкю бжѣствнаго похвалимъ» (Канон св. Луке) [20, 64а, с. 125]; «Миръ ѿчени си просвѣти, якоже вѣтии чьстьныя црѣве. зарями бо несъзданыя трѣца раждежены яви ся, бѣприятне, и бысть яко звѣзда, просвѣщая коньць вселеня» (Канон св. Луке) [20, 67б, с. 130]; «Непостижима есть Бѣоначалнеиша вѣтиа бо изави безкнижныа, рыбаи премудрыя заушающыа словомъ и ѿ глубокиа ноши изимающыа люди безчислены блистаниемъ Дѣа» [23, с. 102]. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» приведены примеры из русских памятников XIII–XIV вв., в которых значение слова положительное: Стѣи мѣчь мина... посланъ бы(с) ц(с)рмь. разрѣшити прю. яко мудрыи вѣтия». (ПрЛ XIII, 85б); «доуховныя вѣтия сде придоша». (СбТр к. XIV, 21об.); «Блженъ ть емоуже се доброе всхожене будеть. ли чтець будеть. ли блѣгоговѣинь. ли сладкопѣвецъ. ли различнословецъ. ли и вѣтии-

скыи. ли писание все вѣды». (ФСт XIV, 94а) [29, с. 306].

Соответственно и прилагательное «вѣтиский», и глагол «вѣтиствовати» выступают с положительным значением, если речь идет о действиях христиан (апостолов, святых): «Ветискими бѣвещании просвѣтилъ есть лики блаженя, иерофее, верныхъ, и сѣнены съборъ, бѣмоудре, айльскы възвеселилъ еси, ѿдивлениемъ блженныи обяты и въспѣвая. силе твоеи слава» [20, 109б, с. 25]; «Вѣтистворя бжѣствная, трофиме прехвальне, мѣтеля посрамилъ еси. и кровьюми своими ходя землю остилъ еси. ходиши же радостно въ рай, сѣсение намъ испрося» [20, 115б, с. 0156].

Так же и значение «плести/плетение (словес)» определяется контекстом: если оно отнесено к словесному искусству языческих риторов и философов, то оно, несомненно, имеет отрицательное значение, но если речь идет боговдохновенном творчестве христианского книжника, то слова приобретают положительную семантику: «Елицы древнихъ изрѣшихомся сѣтеи брашень львовъ, сотранныхъ членовными, радуимся и разширимъ уста, **слово плетуще от словесъ сладкопѣниа**, имже къ намъ наслаждается даровани» [23, с. 29]; в сербских службах святым: «Словомъ плетуще от словесъ пѣниа; Да тржѣствуемъ и слово да плетемъ» (см. 30, с. 41)³. В литургических текстах «плести/плетение (словес)» выступает с положительным значением, поскольку контексты использования связаны с характеристикой действий святых: «Глѣ твоихъ плетении вражию льсть разорилъ еси, кровьюнымъ же течениемъ срѣца напоилъ еси вѣрою чтущихъ сѣцю память, сѣлю мѣче славыне» (Канон св. муч. Кириллу) [20, 58, с. 40б]; «Оумьрщваетъ ся дрѣвле зылодѣи, видя мужество ваю, сѣрпца, како въ тѣлеси твърдѣ бесплѣтныи врагъ отмѣтаета плетениемъ словесъ ваю» [20, 98а, с. 176].

В церковной поэзии часто употребляется сочетание «плести венец» в значении «составить похвалу» святому: «гѣмъ вѣнць от него прикословесныхъ цвѣть съплетъши, пѣснь приносить въ стѣю твою память, всезлате дѣшею съ языкьмъ, Иоанне бѣмоудре» [20, 80а, с. 364]. Это сочетание используется и в житиях и похвальных словах: «Иже ѿбо блѣгыя мужа похваламъ и славамъ хотѣти сподоблати. и вѣнца о нихъ плести. и изащства ихъ въспѣвати и възвизати, якожъ противу силѣ сказовати прѣпираетъ, ѿспешно есть и полезно» [33, с. 1]. «Плести/плетение» в сочетаниях «плести венец»,

«плести похвалу», «плести похвальное слово» предполагает только положительную семантику: «От насъ слово похваление исплѣтаемо приемля, бѣносе, радуи ся своихъ трудовъ наслажая ся и зова, прѣдне. ты еси бѣ нашъ» [20, 130б, с. 0174]; «Приими похваление изъ оканью мѣстнѣ, сѣе, не могоща похваления ти достойна исплести. и моли милостиваго ба даровати намъ велию мѣть [20, 167а, с. 0220]; «Подаети ми независтнѣ блѣдти твоихъ похвалъ, бѣмѣдре, съплетьшѣмѣ любѣзньмъ срѣцьмъ, прегрѣшениемъ раздрѣшения прося, яко сщнѣ върнѣ, прѣдне оѣ амфилохие» [20, 133а, с. 440]; «Пауль прѣбѣжены похваления ти исплете зачатие, и твоя хвалы посылая написа» [20, 66б, с. 128]; «Канонъ прѣбному носе краегранесъ сицѣ. похвалѣ ти оѣе Иоанне. плетѣ Димитрие глас ѣ. Пѣснь ѣ». [34, с. 58]. В литургических текстах речь часто идет о словесном плетении – сети слов («словесные мрежи»), которыми апостолы «уловляют языки», просвещают, приводят их в истинную веру: «О прѣславное чѣдо. иже рыбы древле ѣлавя аплѣ, челѣкомъ бивъ ловьць бѣпредѣлѣнь, словесною мрежею язьки ѣлови, крѣста ѣдицею мира звлече. о како къ бѣи ловъ принеслъ еси бѣдѣлатель, егоже память нынѣ празднѣемъ» [20, 85б, с. 371]; «Мрежами словесными из глѣбины невѣдѣния извлѣкъ аплѣ языки, поставляеть црѣви, и от лѣсти тѣхъ избавляя, горькое невѣрствие ослажая блѣтью блѣгочъстивыя вѣры, единомѣ боѣ поклоняти ся въ трѣхъ съставѣхъ, оѣю и снѣ и стѣмѣ дѣѣ» [20, 168б, с. 495]; «Бѣплетеня мрѣжа твоихъ словесъ простѣрь, дрѣжимыя лѣстью просвѣчениемъ въ вѣрѣ ѣлови» [20, 68а, с. 131].

Следует отметить, что в гимнографических текстах слово «плести» сочетается еще с одним словом – пение, песни: «плести (реже ткать) пение»: «Любити ѣбо намъ яко безбѣдное страхомъ ѣдобѣе молчаніе, любовію же, Дѣво, пѣсни ткати спротяженно сложенныя, неудобно есть: но и Мѣти силу, елико есть произволеніе, даждь» [23, с. 17]; «Пѣсньно твоеи нѣтълѣннѣи блѣдти похвалена ти словеса исплетѣше, никито, всяко избавляемъ от грѣхъ моихъ, и лютыхъ ми съдѣянии твоими мѣтѣвами прѣславне» [20, с. 0136]; «Плести пѣние сие малое мощемъ възвращению. твоего Хрѣе мои ѣгодника. въ отвержение мѣсть слово дарѣи по достоинствѣ сего воспѣти члѣволюбче» [34, с. 58]; в «По-

хвальномъ слове Евфимию» Григорий Цамблак пишет: «емоуже и пѣвецъ плетѣ слово глайше: языкъ мои трѣсть книжника скорописца» [35, с. 118]. Теоретическое обоснование данной формулы как обозначению специфической поэтической организации текста в XVII в. дано Евфимием Чудовским [5].

В контексте традиционного положительного восприятия «плести/плетение» в литургических текстах следует рассматривать сочетания «плести/плетение словес», используемые славянскими книжниками для характеристики своего труда. Боговдохновенное словесное творчество также может быть определено этой формулой – так, сербские книжники Силуан и Феодосий называют результат своей деятельности «словесным плетением»: «Слова слави Савѣ съплете Силуанѣ» (см. 30, с. 58); «Похвалныхъ словесъ яко неискѣсны, коснѣти се не хотѣхомъ. обаче вашимъ молитвамъ ѣповоюще, и въ сия понѣдихомъ се. ѣбо же, аще что и мали словесное наше съплетение, къ похвалѣ стѣма оѣема ѣдостойт се. не моего разумѣа ѣмышление помыслите. нь от нихъ самѣхъ еже о Бѣзѣ трѣдивъ, и добрыхъ дѣланей, похвальная ихъ къ нимъ и приносимъ» (см. 15, с. 98). И, наконец, знаменитое «плетение словес» древнерусского агиографа Епифания Премудрого также вписывается в эту общую традицию: сочетание обладает только положительным значением⁴, которое определяется всем контекстом «Жития Стефана Пермского»: Да и азъ многогрѣшныи и неразѣмныи. послѣдѣя словесемъ похвалении твоихъ. слово плетуци и слово плодѣщи. и словомъ почтити мнѣщи. и от словесъ похваление събираа. и приѣбрѣтаа и приплѣтаа» [18, л. 770об.]; «Но доколѣ не ѣстанѣ многа глѣти. доколѣ не ѣставлю похвалению слова. доколѣ не престанѣ прѣложенога и продѣлѣжнага хвалословіа. аще бѣи и мнѣгажды въсхотѣлъ быхъ изѣѣставити бесѣдѣ. но ѣбаче любы его влечеѣ мя. на похваление и на плетение словесъ» [18, л. 775].

«Плетение словес» Епифания – это словесное дело христианского книжника, который творит, только вымолив благодать Святого Духа, и в это определение он не вкладывает никакого отрицательного значения. Само словесное окружение формулы проявляет эту положительную семантику: «слово плетуци и слово плодѣщи. и словомъ почтити мнѣщи»: результат словесного плетения – «словомъ почтити мнѣщи».

Анализ примеров употребления «плетсти/плетение (словес)» в средневековой славянской книжности показывает, что пейоративное: «мнози бо блядѣюще плетѣтъ словеса ложная» (Сб Хл XIV), 20 [29, с. 425] или мелиоративное: «Животъ твои украси ся добродѣтелии плетении, и смърть же яви ся прѣдъ бѣгмъ чьстѣна [20, 416, с. 059]; и плететь чюднѣ обоє златѣю по истинѣ пленицю. и многими не плетенѣ. житьемъ же вождь разумнымъ. разумомъ же печать житью створивъ (ГБ к. XIV 179 в) [29, с. 425] – значение «плетсти/плетение (словес)» проявляется только в контексте. В средневековой славянской традиции определяющей для «плетсти/плетение (словес)» является положительная семантика, что во многом обусловлено ведущим положением гимнографии в системе жанров средневековой литературы. Именно к литургическим текстам, в которых реализуется положительное значение «плетсти/плетение (словес)», восходит сам славянский термин «плетение словес», использованный Епифанием Премудрым в «Житии Стефана Пермского» как обозначение поэтического (в терминологическом смысле слова) способа организации текста по образцу текстов церковной поэзии [5, 36]⁵.

В современном русском языке сочетание «плетсти/плетение словес» сохранило только негативную характеристику; словари дают это сочетание с примечанием «ироническое»: «Плетение словес (слов) (ирон.) Многословный вычурный стиль, обычно при бедности содержания» [37, с. 1390]; «Плетение словес – о многословном вычурном стиле (обычно при бедном содержании)» [38, с. 140]; «Плетение словес (лит., ирон.) – многословный вычурный стиль, обычно при бедности содержания (выражение древнерусских книжников)» [1, с. 297]. Согласно словарю В. Даля, «извивать речь свою — говорить уклончиво, искусно и хитро, околицею» [39, с. 14]. Следовательно, получила дальнейшее развитие только линия отрицательного восприятия этого сочетания, основанная на негативном отношении к языческому, светскому искусству слова в средневековой книжности. Это может объясняться тем, что исчезли как жанр (в активном использовании) похвальные слова (средневекового типа) и гимнография.

Примечания

1. В качестве доказательства Р. Станков приводит пример из «Слова о Пятидесятнице» Григория Богослова: «Аще отрочища благовещьна поиметь старьцьма сътворять и. судию и недорастыша. послушеству-

еть даниль. одолѣвы въ ямѣ львомъ. аще рыбаля обрѣщеть. улавляеть христосу миръ въсь. словеснымъ плетениимъ събирая. петра помяни ми и андрѣя. л. 369 с. 20-л. 369 д 15 (Будилович 1875.280). «В цитирания откъс се посочва силата на Св. Дух, който «улавя» рыбаля за Христос в своите «словесни мрежи». Веднага следва указание за първите Христови ученици — Петър и Андрей. Срв. Мк 1:6, където Христос казва на първите си ученици, че ще ги направи ловци на чловеци; срв. Също Мт 16:11, където Исус предпазва учениците си от кваса фарисейски и садукейски, т.е. от лицемерието и нечисто слово. С други думи, Петър, рыбалят, е уловен за Христос в мрежата на «словесното плетение», като му е показано истинното слово чрез противоположното — лъжливото. И в тази случай нямаме основание да смятаме, че «плетение словес» трябва да се толкува в положителен смисъл. Срв. Същия мотив в Миней за октомври от 1096: «ббплетеныя мрѣжа твоихъ словесъ простъръ държимыя лъстью просвѣщенемъ въ вѣрѣ улови» (л. 66б), «Умръщаеъ ся дрѣвле зьлодѣи видя мужество ваю, стрѣща како въ тѣлеси твърдѣ, бесплѣтныи врагъ отмѣтаета плетениемъ словесъ ваю», л.98а (Ягич 1886, 176)» [12, с. 24]. С такой интерпретацией невозможно согласиться, поскольку контекст (и в Слове Григория Богослова, и в примерах из Миней) дает возможность использования «плетения словес» только с положительной семантикой.

2. И слово «хытрѣць/хытрыи» может быть использовано с положительной семантикой, если речь идет опять-таки об истинном, боговдохновенном творчестве. Так, в древнерусском переводе Пандектов Никона Черногорца: «яже стѣхъ писании истиньная хытросъ и ремество якоже речѣ великыи Дионисии» [28, с. 105]; «Словомъ же хытросъньмъ съгрѣшениа оуныхъ исправляти» [28, с. 50].

3. Такую же зависимость значения от контекста демонстрирует и сочетание «извитие словес». Применяемое как характеристика, присущая «эллинскому» красноречию, язычникам, оно обладает отрицательной семантикой: извитиемъ словесъ и лютоистию слѣха окрадая (...) КР 1284,332г.; таче глѣтъ и ре(ч)ения млтвы молящее бо ся ре(ч) не извитиемъ словесъ. яко же язычници творять (...) ПНЧ 1296, 106 об [29, с. 470]. Это ненужное умение, которому противопоставляется истинное, исходящее от сердца чувство: Доментиан, описывая житие св. Саввы, подчеркивает: «и достоинъ съврѣстникъ бысть апостоломъ и мученикомъ, и тѣхъ небесныхъ зарю на себѣ носе, и слоуже господеву днь и ношь не извитиемъ словесъ нь въ прѣпрости срьдъца» [16, с. 307]. Однако в ветхозаветных текстах (Притчи, Премудрость, Сирах) «извитие словес» выступает с положительной семантикой: «И аще множеству ома вождѣть кто, вѣдѣти древнѣа, и будущаѣ разоумѣти. вѣдѣти вѣтѣа словесъ и и рѣшенѣа гадани, знаменѣа и чюдеса провѣдѣ, исхождение временъ и

вѣковъ» (Прем 8:8) [31]; «Разумѣти премѣрность и наказаніе. разумѣти же словеса мудрости. приати же извитіе словесь, и разрешение гаданіи. разумѣти же правду и истину, и судъ исправлѣти. да дасть незлобивымъ художство. отроку же юну чювствие и премѣрность. сего послушавъ мудрыи, премудрѣе будеть. а разумныи строителство стѣжитъ. разумѣть же притча и темно слово. глѣаніа же прмѣрыхъ и гаданіа» (Притч1:1-6) [31]. «Извитие словес» в упомянутых библейских текстах представляет собой не просто указание на формальные приемы, оно прежде всего связано с характеристикой содержательной стороны: «Извитиями слов (στροφάι λόγων – обороты слов) притчи называются потому, что, вращая их умом, открываем и находим сокровенный в них смысл» [32, с. 360].

4. Противоположное мнение: Р. Станков [13, с. 25–26].

5. В сущности, положительное значение изначально присутствует в нем: понятие «плетение словес» восходит к античности, к традиции увенчания победителя спортивных состязаний венками, отсюда сочетание «плести венец»; в византийскую христианскую литературу оно переходит с переносным значением – «плести похвалу» [3, 7, 40]. Славянский термин «плетение словес» связан с традицией его использования в византийской христианской литературе, и прежде всего в гимнографии, а не с греческими риториками, где сочетание πλέκειν λόγων выступает со значением «сочинять литературно», «составить речь с помощью определенных стилистических приемов», — вторым возможным источником славянского термина [7].

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939–1940. Т. 3.
2. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М.: АН СССР, 1958. 67 с. (IV Международный съезд славистов. Доклады).
3. Mulić M. Srpski izvori "pletenija sloves". Sarajevo, 1975. 99 s.
4. Kitch F. The Literary Style of Epifanij Premudryj: 'Pletenije sloves'. München: Sagner, 1976. 298 s.
5. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 45 с.
6. Пикио Р. «Плетение словес» и литературные стили на православные славяне в эпоху на кьсното Средновековие // Православното славянство и старобългарската културна традиция / Р. Пикио. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 531–560.
7. Фрайданк Д. К сущности и предпосылкам стиля «плетение словес» // Търновска книжовна школа. София: БАН, 1980. Т. 2. С. 89–93.
8. Bortnes J. The Function of Word-Weaving in the Structure of Epiphanius' Life of Saint Stephen, Bishop of Perm // Medieval Russian Culture. California Slavic Studies, XII. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 311–342.
9. Станчев К. Поетика на старобългарската литература. София: Наука и изкуство, 1982. 200 с.
10. Hebert M. Hesichasm, Word-Weaving and Slavic Hagiography: The Literary School of Patriarch Euthymius. München, 1992.
11. Верещагин Е.М. К истолкованию имени Епифания Премудрого (в связи с истоками стиля «плетение словес») // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 2. С. 64–76.
12. Станков Р. Исихазмът, стилът «плетение словес» и езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий. София: Херон Пресс, 1999. 78 с.
13. Панчева Е. Бележки относно реторичното средство πλοκή (плетение) в агиографското творчество на св. патриарх Евтимий Търновски // Търновска книжовна школа. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. Кирил и Методий», 2007. Т. 8. С. 407–415.
14. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстол. разыскания. М.: Индрик, 2001. 608 с.
15. Кенанов Д. Славянска метафрастика. Пловдив – Велико Търново: ПИК, 2002. 279 с.
16. Доментиан. Житие св. Саввы // Живот светого Симеуна и светого Саве. Написао Доментијан. На свијет издао Ђ.Даничић. Београд, 1865. С.119–345.
17. Животи краљева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило, на свијет издао Ђ.Даничић. Загреб, 1866.
18. Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. ГИМ, Синод. собр., 1897. Л. 655–777.
19. Слово похвальное священномученику Клименту // Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстол. разыскания. М.: Индрик, 2001. С. 467–494.
20. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Труд орд. акад. И.В. Ягича. СПб.: Отд. рус. яз и словесности Императ. Акад. наук, 1886. 608 с.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. [Репр. изд.]. М.: Знак, 2003. Т. 3.
22. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 25–49.
23. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском яз. / Ред.-пер. Е.И. Ловягин. СПб.: Синод. тип., 1875. 296 с.
24. Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М.: Языки русской культуры, 1999. 280 с.
25. Амфилохий. Древлеславянская Псалтирь XIII–XIV века с греческим текстом из толковой Феодоровой Псалтири X века с замечаниями по древним памятникам. М., 1874.
26. Иоанн Златоуст. Слово в великую среду о заводи // Супрасълски, или Ретков сборник. В 2 т. София: БАН, 1983. Т. 2. С. 395–405.

27. Спасова М. За значението на взѣти в историята на българския книжовен език // Палеобалканистика и старобългаристика: Втори есенни международни четения «Професор Иван Гълъбов». Велико Търново: Унив. изд-во «Св. Кирил и Методий», 2001. С. 79–85.
28. Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века: (юридические тексты). М.: Языки русской культуры, 1998. 592 с.
29. Словарь древнерусского языка (XI–XVII вв.). В 10 т. / АН СССР, Ин-т. рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус.яз., 1988.
30. Ћоровић В. Силуан и Данило II, српски писци XIV–XVI века // Глас српске краљевске академије СХХХVI, други разред, 72. Београд, 1929. С. 13–103.
31. Библия. Острог: Печ. Ивана Федорова, 1581. 628 л.
32. Афанасий Александрийский. Краткое обозрение Священного Писания Ветхого и Нового завета // Христианское чтение. 1841. Ч. 4. С. 324–402.
33. Каллист Константинопольский. Житие Григория Синаита / Под ред. П.А. Сырку // Памятники древней письменности и искусства. ССLXXII. СПб., 1909. С. 1–48.
34. Димитър Кантакузин. Служба Иоанну Ръльскому // Събрани съчинения / Димитър Кантакузин. София, 1989. С. 44–57.
35. Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию // Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак / Гълъбов И., Давидов А., Русев П. София: БАН, 1971. С. 111–233.
36. Петрова В.Д. О древнерусском «плетении словес» // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4. Ч. 2. С. 53–61.
37. Словарь русского литературного языка в 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1965. Т. 9.
38. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; гл. ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд, стереотип. М.: Рус. яз: Полиграфресурсы, 1999. Т. 3.
39. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
40. Дончева-Панайотова Н. Към теорията и практиката на стила «плетение словес» в произведенията на писателите от Търновската книжовна школа // Търновска книжовна школа. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. Кирил и Методий», 2003. Т. 7. С. 19–32.

ON THE CONTENT OF THE TERM «PLETENIE SLOVES» IN MEDIEVAL SLAVONIC LITERATURE

V. D. Petrova

The analysis of the term «Pletenie sloves» («weaving of words») usage in medieval Slavonic literature shows that its meaning depends on the context. So if this word combination describes heathen rhetorician's or philosopher's works it has a negative meaning, but if Christian writer's God-inspired creativity is the matter this term gets positive semantics. The word combination «Pletenie sloves» («weaving of words») used by medieval Slavonic writers for their work description should be considered in the traditionally positive sense of the term «pletenie» (words or crown braiding) in the liturgical texts.

Keywords: pletenie sloves (weaving of words), hymnography, source, positive semantics, negative semantics, context.